

В прошлом номере сборника были опубликованы материалы семинара, где с докладом «Русская православная церковь, права человека и дискуссии об общественном устройстве» выступил протоиерей Всеволод Чаплин. Публикуемая ниже статья священника Андрея Хвыля-Олинтер является продолжением разговора о роли православной церкви в возрождении духовности на Руси.

Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви

Священник Андрей Хвыля-Олинтер, кандидат юридических наук

Тема нашего семинара: «Права, свободы человека и нравственность: проблемы соотношения. Мировой опыт и российская ситуация» исключительно важна для Русской православной церкви в связи с тем, что согласно ее вероучению Бог есть личность и любовь. То есть, в основе существования нашего мира лежит нравственность. С другой стороны, человек, его права и свобода, имеют для православия бесконечную ценность. Права, свободы человека и нравственность тесно взаимосвязаны. Нарушение этой взаимосвязи приводит к тому, что свобода превращается в беспредел, полностью лишенный нравственности и прав. Тенденция к такому тупику достигла своего пика в период так называемой «перестройки». Типичным для духовно-нравственного состояния большинства населения России, особенно молодежи, стало негативное смещение ценностных ориентаций, падение уважения к старшим, к опыту поколений, к государственным институтам, цинизм, инфантилизм, десоциализация. Серьезным стало влияние многочисленных и бесконтрольных

со стороны государства экстремистских псевдорелигиозных групп и сект. В целом негативные процессы, активно влияющие на социальную среду, в России повсеместно отмечены в сферах влияния семьи и ближайшего окружения; в сфере досуга; в сфере образования; в сфере трудовой занятости. Это привело к глубокой деформации духовно-нравственных основ населения и резкому ее отрыву от лучших обычаев старших поколений. Самое время вспомнить о формировании человечности в наших гражданах. А это может сделать только соответствующая государственная система образования, воспитания, просвещения.

Если мы действительно хотим создать полноценного счастливого человека, а, значит, отвечающего его истинному назначению в мире, обществе, семье и по отношению к самому себе, то, несмотря на требование статьи 13 Конституции Российской Федерации о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», мы должны ориентироваться на подобающий образ. Понятно, что это будет некий идеал, но категорически недопустимо, чтобы он оказался утопией, даже якобы научной. Ошибка будет равна цене человеческой жизни и судьбе общества. Этот идеал должен быть абсолютным для всех форм общественного сознания. Но он обязан быть не умозрительным, но реально существующим, а стало быть, взаимодействующим с нами.

Однако когда мы вторгаемся в сферу живых идеалов, то неизбежно попадаем в реальное духовно-нравственное пространство, а это есть, прежде всего, компетенция религий. В нем духовная координата простирается от бытия до небытия, а нравственная — от добра до зла. Обнаруживаются два противоположных полюса: жизни и смерти, созидательности и деструктивности. Здесь перед нами возникает широкая свобода определения этих понятий, выбора и вытекающие из них духовно-нравственное осмысление жизни, а также представление о человеке.

А. Хвыля-Олинтер. Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви

По большому счету вариантов для выбора не много. Идеал признается как источник или равноценных (как реальных сущностей) добра и зла, или исключительно добра, или только зла, или относительность того и другого, или то, что он находится выше этих категорий. Аналогично в отношении бытия или небытия, а также проблем познания и законности. Например, с православной точки зрения позитивная и здоровая духовность выражается в сознательном и твердом стремлении людей жить в Духе Святом, т. е. по Заповедям Божьим.

Таким образом, уясняются онтологическая, гносеологическая, правовая и этическая позиции. Человек и социальная система попадают в принципиально различные, несовместимые типы мировоззрений, миропониманий и религий, вызывает склонность к различным регулятивным системам, основанным на нравственности, традициях, обычаях, обрядах, праве. При этом по-разному решаются стратегические вопросы взаимоотношения личности, семьи и общества, восприятия права, свободы и морали. Выбор определяет, по какому образу станет формироваться растущий гражданин нашей страны, каково будет ее будущее, как будет строиться связь между опытом предков, самоценностью и уникальностью личности, а также ответственностью перед потомками.

Абсолютизация «свободы совести» привела к появлению так называемого «светского» образования, декларативно будто бы отделенного от всех религий. Однако на самом деле религиозные объединения и входящие в них граждане вовсе не «отделены» в некие резервации, а действуют в стране в соответствии с ее законами. Кроме того, любой педагог и его ближайшее окружение обязательно имеют какую-либо свою позицию (вовсе не нейтральную) в отношении веры и религий. Оттого на практике всегда возникают те или иные предпочтения. Современное широкое толкование «светского» образования есть фактически признание как идеала безличной внерелигиозности, безверия и обездушивания системы

государственного и местного образования. Формирование правового поля в области взаимодействия светского и духовного образования должно исходить из одного из основных принципов современного права. Этот принцип закреплен во второй статье Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Однако понятие свобода трактуется в разных социальных слоях и группах весьма многополярно.

Конфронтация в этих различных пониманиях приводит к компаративному (сравнительному) анализу понятий негативной и позитивной свободы. Допускается возможность не только негативного рассмотрения свободы как независимости от эмпирических условий (предшествующих состояний), но и исследования ее как положительной способности самопроизвольно начинать ряд событий. Негативно свобода означает независимость актов субъекта от природной необходимости, позитивно же это «свободная причинность», т. е. проявление умопостигаемого характера субъекта, который составляет причину этих актов как явлений, но сам не подчинен никаким условиям чувственности и не относится к числу явлений.

Согласно философу Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю свобода как отрицание — отказ, бегство. Негативная, или рассудочная, свобода — это свобода пустоты, которая, обращаясь к действительности, становится как в области политики, так и в области религии разрушением всего существующего порядка, всей системности.

Идея главенствующей роли личности, субъективного имманентного фактора, инициативы субъекта, более компетентного в собственных нуждах, потребностях и возможностях, чем любая администрация, принимающая за него макро-решения. Здесь наблюдается аналог некоторых аспектов синергетических принципов образования системного оптимума

А. Хвыля-Олинтер. Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви из хаоса. Но может ли синергетический подход успешно заменить ключевое понятие либерализма — свободу — чем-то другим: спонтанностью, самоорганизацией, независимостью от внешних вмешательств.

Негативная свобода подразумевает минимум ограничений. В позитивном смысле свобода трактуется не как свобода от, а как свобода для: например, для ведения предписанного образа жизни. Важно, кем «предписанный». Самим субъектом? Внешним фактором? Общественным мнением? Указом правителя? Идеалом? Истиной? Любовью? Напомним, что христианский Бог как раз и есть Истина и Любовь. Добровольный отказ от свободы, выбор несвободы — это тоже свобода, себя отрицающая, но имеющая возможность вернуться к себе. Свобода — не континуальное состояние, а конкретный выбор, причем он реализуется не только в деянии, но и в воздержании от предписанного образа жизни и мысли.

Можно понимать позитивную свободу как ответ на вопрос, кто является истинным контролером и предписывает делать то, а не это и быть таким, а не другим.

Свобода человека от ограничивающей власти — это некий идеал. Но власть состоит из внешней и внутренней составляющих. Последняя же происходит от его собственной воли.

В отношении к свободе Бог и человек как бы сходятся вместе с двух сторон. Бог свободен делать все, что захочет, и способен делать все, что захочет, а человека свободен не делать, что не хочет, и способен не делать все, что не хочет.

В социальной жизни вопрос заключается в создании режима свободы или несвободы извне. Между тем свобода — не субстанция, к которой можно подключаться или от которой можно уйти в субстанцию несвободы. Это всегда единичный, личный выбор субъекта. Роль внешнего фактора общества тут заключается в том, что оно может принуждать человека поступать нужным обществу образом, но и тогда

последнее слово за человеком, он всегда может уклониться, но не всегда этой возможностью пользуется. Тут вопрос упирается в ответственность и достоинство. Свобода — это всегда ответственность за выбор и его последствия. Отказ от свободы — это отказ от ответственности и достоинства. Общество устанавливает запреты и санкции за нарушение свободы других, и человек сам решает, вступать ли ему в конфликт с другими субъектами, нарушая их свободу, или нет.

Применительно к системе образования особенно важно то, что свобода человека реализуема лишь при наличии нескольких условий: первое — доступность объективной, своевременной и полной информации о ситуации, второе — уровень компетенции, позволяющий правильно оценить ситуацию, третье — определенная духовная зрелость...

Именно этим, в частности, объясняется нынешнее глобальное противодействие преподаванию в российских регионах культурологического светского предмета: «Православная культура». Молодежь хотят лишить свободы самоопределения, свободы объективного познания своей истории и своей культуры.

Свобода в идеальном ее смысле есть способность личности к самобытию сущности, самодвижности души и самоопределению разума. В религиозной сфере «свобода» связана, прежде всего, с понятиями: «свобода воли», «свобода совести», предопределение, справедливость и ответственность. Православие чтит внутреннюю свободу воли человека, ибо это такой дар Божий, который есть причина самой себя. Свобода воли есть способность человека к внутреннему самоопределению в своих предпочтениях и желательных действиях, в том числе в религиозной сфере. Имеется еще свобода духовная — власть личности над собой, над своей природой, над своим эгоизмом, своими страстями и греховными влечениями. Совесть определяется православием как нравственное и онтологическое отношение человека к абсолютной Истине, как обличающий голос Бога, а также обобщенная и интериоризи-

А. Хвыля-Олинтер. Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви
рованная (принятая внутрь себя) позиция ближних людей в душе человека, закон Христов внутри человека. Со светской юридической точки зрения «свобода совести» — «основополагающее неотъемлемое право человека на свободный мировоззренческий выбор, не влекущий за собой ограничения в других гражданских правах и свободах или их утрату. Она включает право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, менять и распространять религиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними, не ущемляя свободы и личного достоинства других».

Примеры определений свободы:

В правовом и политологическом смысле:

- правомочия людей, которые они могут реализовывать самостоятельно, не вступая в отношения с государством и иными заинтересованными властными правомочными социальными структурами, сообразуясь и не конфликтуя с внешними правовыми пределами;
- отсутствие ограничений и внешнего целеполагания, независимость.

В криминальном смысле:

- произвол, при котором сильные существуют за счет слабых.

В атеистическом смысле:

- возможность проявления личностью своей воли на основе осознания всей бесконечной совокупности законов, явлений, процессов мироздания и общества.

В православном смысле:

- пребывание личности с Истиной и в Истине, с Любовью и в Любви, т. е. с Сыном Божьим — Иисусом Христом и в Иисусе Христе;
- воля Божия;
- независимость и защищенность от греха.

Русская православная церковь считает неотъемлемым право личности на свободу, но не на беспредел. Бесконечно

чит православие внутреннюю свободу воли каждого человека, ибо эта свобода есть дар Божий. Люди всяких вероисповеданий, идеологий и мировоззрений воспринимаются Православной церковью с высочайшей любовью к их личности и природе. Православие учит ненавидеть грех, а не грешника. В этом смысле, как внутренняя свобода воли, «свобода совести» признается Православной церковью во все времена. Православие знает еще и свободу духовную — власть личности над собой, над своей природой, в первую очередь над своим эгоизмом, своими страстями и недостатками, греховными чувствами и влечениями.

Правовое отношение к образованию формируется через восприятие населением права и закона в свете культуры. Юристы определяют право как исторически определенную и объективно обусловленную формы свободы в реальных отношениях. В отличие от императивного закона, право имеет и внутреннее убеждение, смыкается со сферой действия морали. Современное правовое государство ставит на первое место человека, его свободы и права, что вытекает также из сути православного вероучения. Принципиальной становятся моральная оправданность закона, справедливость права. Право должно давать наибольшую из возможных свободу.

Как отмечал великий русский философ и теолог Иван Александрович Ильин: политическая свобода дает право над другими. Внешняя свобода дается человеку для того, чтобы он внутренне воспитал и освободил себя; политическая же свобода предполагает, что человек воспитал и освободил самого себя, и потому она дается ему для того, чтобы он мог воспитывать других к свободе. Политическая свобода по силе только тому, кто или завершил свое освобождение, или кто находится в процессе внутренней борьбы за него, понимая его драгоценность, обязанность и ответственность. Иначе будет извращение политической свободы.

Свобода есть нечто для духа и ради духа, свобода есть нечто в духе зреющее и от духа исходящее. Вне духа и про-

А. Хвыля-Олинтер. Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви
тив духа она теряет свой смысл и свое священное значение. Оторвавшись от духа, она обращается против него и попирает его священное естество. Обратившись против него, она перестает быть свободой и становится произволом и всепопиранием. Без свободы — гаснет дух, без духа — вырождается и гибнет свобода.

Формирование правового поля в области взаимодействия светского и духовного образования должно учитывать, что подлинное образование невозможно без свободы и истины: «и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). Подлинное образование невозможно без духовности: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17). Подлинное образование невозможно без Иисуса Христа: «если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8, 35–37). Подлинное образование невозможно без Благовестия: «Но кто вникнет в закон совершенный, [закон] свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии» (Иак. 1, 25).

Учитывая известное выражение о том, что свобода каждого заканчивается там, где начинается свобода другого, рассмотрим связанное с понятиями «свобода» и «образование» понятие «толерантность». О толерантности сейчас в России и в международных масштабах говорится и пишется весьма много, зачастую, даже, это настораживает. Немало также рассуждают о плюрализме, либерализме, консенсусе и индивидуализме. Возникает ощущение некоей целенаправленной кампании с еще не совсем отчетливыми мотивами и задачами. Поэтому взглянем, как определено это понятие в толковом словаре иноязычных слов. В нем приводится два значения слова «толерантный», перевод которого с латинского языка (Tolerans) означает «терпеливо переносящий».

Первое определяет очевидный смысл этого слова как терпимый, снисходительный к кому или чему-нибудь. Это качество весьма ценно для людей и их объединений. Особенно

в нашей стране, обладающей разнообразием этнических, национальных и религиозных социумов. В жизни часто справедлива поговорка: худой мир лучше доброй ссоры. Действительно, с чем только не приходится смиряться ради бытового и социального покоя, гармоничного общественного единства равноправных граждан в светском государстве, ради созидательного служения Отечеству.

Однако в толковых словарях имеется и второе определение. Оказывается, что в биологии и медицине это понятие связано с существенным негативным явлением. Когда речь идет об организме животного или человека, то «толерантность» означает полное или частичное отсутствие иммунной реактивности, потерю способности к выработке антител. В частности, СПИД — есть следствие неумеренной толерантности. Это практически всегда ведет к смерти любой биологической организм, да и не только биологической...

Социальное содержание понятия «толерантность» предполагает терпимое отношение общества к обнаруживаемому в нем одновременно и на одной территории множества свободных и разнообразных целей, идеалов, мировоззрений, в том числе противостоящих друг другу.

Воспользовавшись простором толерантности, а также иными свободами и правами личности, кратко проанализируем статью 13 Конституции Российской Федерации.

Во-первых, отрицание установления государственной или обязательной идеологии опять-таки неизбежно является разновидностью идеологии. Причем в нашем случае она той же статьей 13 установлена как обязательная и государственная. Получается щекотливая ситуация: в важнейшем государственном законе одна и та же логическая посылка одновременно отвергается и утверждается.

Во-вторых, если государственная власть изначально якобы отказывается от какой-либо определенной и ясной идеологии, т. е., от стратегической идеи, цели и идеала, то куда же эта власть ведет народ, общество и страну? Возникает ощу-

А. Хвыля-Олинтер. Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви

щение, что на самом деле некая идеология наличествует, но в силу каких-либо причин не оглашается. Такое в политике бывает, например, когда реально правящие тайные союзы или элитные группы опираются на принцип — «разделяй и властвуй». А расчлнять проще всего через призывы к толерантности, свободе совести и подобное — вроде бы все делается для блага человека. Встречаются и другие причины. В частности, спекуляции вокруг толерантности облегчают насаждение самых реакционных из всяческих идей и методов глобализации.

Мы уже вспоминали о том, что свобода каждого заканчивается там, где начинается свобода других. Но ее иной раз понимают иначе: где я хочу себе свободы, там не может быть свободы всех иных. Возникает массовое явление западной цивилизации — атомизация личности. Не менее распространено в том мире коммерческое восприятие морали, свобода купли и продажи нравственности как товара. Это — обратная сторона толерантности, инфернальные крайности ее светской аксиоматики.

В социальной жизни толерантность может обнаруживаться в разных сферах: финансовой (например, восприятие действий типа ваучеризации и приватизации), информационной (например, терпимость к пропаганде якобы западных ценностей), политической (например, отношение к развалу СССР, так называемой «семье» и скороспелым олигархам), идеологической (о ней мы уже упоминали), религиозной (например, следование теории конвергенции, попустительство деструктивным культам), нравственной (например, снисходительность к порокам: лесбиянству, гомосексуализму, насилию и иным) и т. д.

Закономерно возникает два вопроса.

1) О допустимых пределах терпимости?

Социальная толерантность в смысле влияния на границы дозволенного многообразия напоминает турбулентные процессы в жидкости. Если корабль (то есть государство) недо-

статочно прочен, то его конструктивные элементы разрушатся от их воздействия. Свободу терпимости легко довести до абсурда, до социального СПИДА, например, провозгласить свободу личной трактовки и самостоятельного написания Государственной Конституции, Уголовного и иных кодексов и т. п. Здесь непосредственно затрагиваются проблемы безопасности личности, семьи, общества и государства: национальной, конституционной, военной, экологической, информационной, экономической, религиозной и т. п.

2) Какая именно идеология достаточно прочна и определена, но вместе с тем дает наибольшую свободу толерантности?

Так как мы в целом, и каждый из нас в отдельности, обречены, в любом случае, пребывать в рамках той или иной идеологии, то однозначный ее выбор неизбежен. Выбор, прежде всего, духовный, нелицемерный, искренний и единственный. Ибо истина одна, а ложь многолика, нередко весьма правдоподобна и привлекательна. А зачастую истинным, к сожалению, является лишь факт, что человек принял ложь и удовлетворен ею.

Поэтому Иисус Христос внешне жестко, а на самом деле с любовью и состраданием говорит своим ученикам: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его» (Мф. 10, 34–36). Да, духовное разделение по отношению к истине может произойти и в семье, и внутри самого человека.

Он прямо предупреждает тех, кто колеблется и может отказать от истины ради удобной или выгодной лжи: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает. Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь

А. Хвыля-Олинтер. Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, — и бывает для человека того последнее хуже первого» (Лк. 11, 23–27). Подобные фразы о духовном избрании недопустимо использовать обособленно от всего смыслового отрывка. Иначе можно обнаружить в Новом Завете якобы призывы к насилию и экстремизму. Такие подтасовки способны сделать те, кто не только толерантность, но и саму истину по невежеству или лицемерно готовы сделать расхожим товаром.

Известно, что любые идеологии, мировоззрения, взгляды, все правовые и нравственные (и многие экономические) системы направляются конкретными вероучениями. Поэтому, в конечном итоге, все (и реальная степень толерантности) определяется предпочтением той или иной веры. А не верующих людей не бывает. Каждый верит во что-то свое или принятое извне.

Что же избрать? Очевидно, что теоретически самой великой прочностью обладает тот фактор, который есть Первопричина существования мира и всего в нем, приведший все в бытие из небытия. Если и этот фактор в чем-то окажется, как бы, слаб, то все остальное — тем более. Ибо любой социальный и физический процесс в мире, в силу подчиненности чему-либо, не способен его превзойти. Но этот фактор дает также и свободу, наибольшую из всех возможных. Игнорируя его существование, мы неизбежно сужаем область нашей подлинной свободы, оттого что возникает обманчивая и дурманящая иллюзия самостоятельности.

Если государственная идеология направляется именно этим фактором или, хотя бы, последовательно ориентируется на него, то она, по определению, обеспечивает, в силу возникающей своей прочности, предельную из возможных толерантность социальных процессов. Так мы упираемся в проблему выбора своего отношения к Богу — единственному абсолютному фактору, только лишь который самодостаточен и самобытен. Этот фактор определяет нам высшую аксиоматику толерантности в онтологическом, гносеологи-

ческом, антропологическом, нравственном и правовом пространствах.

Бог открывает нам Свои намерения через Свои Откровения. Одним из таких Откровений служит Священное Писание. Что же гласит Библия о терпимости и свободе? Священное Писание прямо связывает эти понятия с любовью, с Духом Любви: «в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь. Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа» (2 Петр. 1, 6–8). Священное Писание указывает также, где настоящая свобода: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17). «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8). «Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас» (1 Ин. 4, 12).

Оказывается, свобода связана с высшим Откровением Бога — Сыном Божиим по природе, Господом Иисусом Христом, через Которого Бог-Отец сотворил мир. «Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (1 Ин. 4, 9). «Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона» (Рим. 13, 10). «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера» (Гал. 5, 22). «А вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем, какою мы исполнены к вам» (1 Фес. 3, 12). «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6, 2). Такими высказываниями полон Новый Завет.

С момента своего уникального и неповторимого возникновения (Иерусалим, 33-й год Р.Х., день Пятидесятницы) бесконечно чтит Православная Церковь внутреннюю свободу воли каждого человека, ибо эта свобода есть дар Божий. Православие знает еще и свободу духовную — власть личности

А. Хвыля-Олинтер. Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви над собой, над своей природой, в первую очередь над своим эгоизмом, своими страстями и недостатками, греховными чувствами и влечениями.

Для оценки толерантности важно еще то значение (смысл, стоимость) человека, которое реально предоставляют официально господствующая идеология, а также его личные убеждения. Кто такой — человек? Как он возник? Случайно на мгновение из бездушной материи или целенаправленно и навечно по Образу Бога? Во втором случае ценность человека и его конкретной жизни неизмеримо большая, чем в первом варианте. А значит, и уважение к другому человеку, терпимость к его инаковости, любовь к нему бесконечно более высоки. То же можно сказать и об отношении человека к самому себе.

Именно отсюда для православия ближним является любой иной человек, независимо от его веры, национальности, профессии, пола, возраста, здоровья и иных признаков. «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 36–41). Видите, как написано — «подобная ей», через любовь ближний по благодати ставится рядом с Самим Богом. Любовь преодолевает все ограничения бытия, и трансцендентность, и имманентность. Это — онтологические и антропологические аксиоматические пределы толерантности.

Поэтому православие призывает и молится: «Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово» (2 Фес. 3, 5). Устами апостолов оно учит: «терпением вашим спасайте души ваши» (Лук. 21, 19); «терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1, 4); «Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготер-

пение» (Кол. 3, 12). А это и есть призыв к настоящей и всеобъемлющей толерантности. Поэтому в Российской империи не было этнических и религиозных войн. Православие молится не только за всякого ближнего, но в своей сверхкосмической любви и за государство, правителей, природу, весь мир.

Православная любовь зиждется на внутренней соборной любви Пресвятой Троицы, а значит на стремлении к истинному общению, самопожертвованию, познанию и уважению. Единственный Глава Вселенской православной церкви — единой, Святой, Соборной и Апостольской церкви сказал Богу-Отцу: «И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин. 17, 26). А Его возлюбленный апостол уточнил: «а кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась: из сего узнаем, что мы в Нем» (1 Ин. 2, 5). Православие учит, что мы, через эту любовь можем стать богами по благодати: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). Это — онтологический глобальный максимум.

Эта любовь дает возможность проявиться наибольшим из возможных терпимости, милосердию, жертвенности и стойкости без фанатизма, экстаичности и экстремизма: «потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти» (Рим. 8, 2). «Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд. Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какую мерою мерите, такую же отмерится и вам» (Лук. 6, 36–38).

Православие призывает любить даже своих врагов — вот главный нравственный аксиоматический предел толерантности. «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,

А. Хвыля-Олинтер. Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 43–45).

Однако указанные православные качества: любовь и терпимость не предполагают пассивности и мягкотелости, потому что исходят от Бога — Творца мира. Одна из важнейших черт православия — жизненная активность и принципиальность, в рамках человеческой воли и свободы сотрудничества Самой Пресвятой Троице.

С позиции гносеологии истинная терпимость возможна лишь тогда, когда человеку открыты не только внешняя оболочка всякой инаковости, но и ее внутреннее содержание. А это доступно единственно через соединение имманентного и трансцендентного каналов познания, т. е., опять-таки, через Бога. Поэтому православное вероучение призывает к постижению через Сына Божьего — Господа Иисуса Христа (Истины) в Духе Святом. «Ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1, 17). «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6). «А Господь Бог есть истина» (Иер. 10, 10).

К гносеологии имеет отношение и необходимость осознанности действия, если хотим, чтобы оно было действительно свободным. Подобную свободу имеет лишь тот человек, который располагает правильными сведениями о ситуации, а также способен верно понять их и использовать.

По существу, любые знания, любая наука становятся объективными и совершенными исключительно при выполнении всех вышеуказанных условий. Это, в частности, подразумевается в стихах Нового Завета: «Впрочем, вы имеете помазание от Святаго и знаете все» (1 Ин. 2, 20). «Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте» (1 Ин. 2, 27).

Таким образом, в православии единство духа и веры, знания и опыта, права и нравственности, ограничения и свободы гармонично в любви сочетается с многообразием и неповторимостью человеческих личностей: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11, 19). Если философия лишь изобретает версии об идеале, то православие дает возможность и открывает путь реальной встречи с Ним. Встречи конкретной личности, семьи, общественных объединений, народов, всей страны.

Рассмотрим взаимосвязь свободы и законности. Юристы определяют право как исторически определенную и объективно обусловленную форму свободы в реальных отношениях. В отличие от императивного закона, право имеет и внутреннее убеждение, смыкается со сферой действия морали. Современное правовое государство ставит на первое место человека, его свободы и права, что, кстати, вытекает и из созидательных вероучений о роли человека в мире. Существенно то, что принципиальной становятся моральная оправданность закона, справедливость права.

Как убедительно показывают сравнительное правоведение и юридическая антропология, все правовые системы выросли из тех или иных религий, и ими же поддерживаются. Известны правовые системы откровенно религиозные, а также на первый взгляд светские. В мире сейчас распространен правовой плюрализм, предполагающий сосуществование разных правовых систем, в том числе религиозных. Социальная психология отмечает, что светским правом удастся регулировать не более 50% процентов общественных отношений. Остальное входит в сферу традиций, обрядов, привычек, т. е., опять-таки, конкретных религий, мировоззрений или... суеверий, зачастую крайне примитивных и деструктивных.

Законность вероучений связана с их отношением к объективным духовным законам. Существенной характеристикой вероучений является законность духовного общения с объ-

А. Хвыля-Олинтер. Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви
ектом поклонения, которая свидетельствует, каким образом
выбранные средства соответствуют тем, которые объект пок-
лонения сам установил и разрешил для своих поклонников.
Если Бог, то, как Личность, обладающая наивысшей властью
и наибольшей силой по отношению к людям, социальным
институтам и миру; как высочайший источник природных и
общественных законов, морали и нравственности.

В случае если Объект поклонения — Бог есть Истина и
Любовь, то понятие «законность» совпадает по смыслу с по-
нятием «истинность», ибо в конечном итоге все, что дейст-
вительно истинно — от Бога, т. е. законно. В свою очередь,
все, что не от Бога, является незаконным, ошибочным или
очевидно ложным. Таким образом, присутствует множест-
во форм относительной законности духовного общения
с объектами поклонения (сугубо внутри каждого культа)
и одна абсолютная законность богообщения, характерная
для единственного истинного вероучения. Например, среди
объединений, объявляющих себя христианскими, законной
Вселенской Церковью является лишь та, которая возникла
в г. Иерусалиме в 33 г. нашей эры в день Пятидесятницы, ни-
когда не прерывала своей жизни, существует ныне и будет
всегда, отвергая все, что нарушает духовные законы.

Значимой стороной законности духовного общения с
объектами поклонения является степень соблюдения прав и
свобод человека.

Созидательной и законной религией в истинном смысле
этих слов должно называть лишь ту, которая в процессе ре-
альной духовной деятельности принимает и выполняет без
исключения максимальные позитивные условия, предъяв-
ляемые к объекту поклонения (Абсолюту — Идеалу — Лич-
ности — Богу) и человеку, их взаимодействию, к своему воз-
никновению, к участию в социальной жизни, включая охрану
духовно-нравственного здоровья человека, семьи и общества.

Существуют разные трактовки законности вероучения.
В социологическом и политологическом смысле законным

может быть названо такое вероучение, которое соблюдает права и свободы личности, а также признает государственную власть, как таковую, установленной от Объекта поклонения. В теологическом смысле законным может быть названо такое вероучение, которое не изменило свои духовные характеристики (например, законность и преемственность священства и таинства), полученные от своего основателя, а также имеет специальные внутренние механизмы сохранения и подтверждения этих характеристик. В православном смысле законным может быть названо такое вероучение, которое дано человечеству и всему миру, ограждаемо и сохраняется непосредственно Самим Богом, а также имеет специальные внутренние механизмы сохранения и подтверждения своих основных характеристик.

В православном понимании, когда государство имеет богоучрежденную и богозаконную власть, когда в нем доминируют и поощряются законные (а не самовольные и анархичные) вероучения, то оно обладает гармоничным сочетанием наибольших свободы, законности, прочности, терпимости, единства и многообразия — т. е. самой совершенной толерантностью из всех мыслимых. Это — наилучший созидательный путь духовно-нравственного, социально-политического, этнокультурного, экономического и научно-технического развития России. В то же время православные христиане глубоко осознают, что в деле возрождения духовно-нравственных основ Отчизны призваны сотрудничать со всеми созидательными силами общества, в том числе с иными традиционными религиями и материалистами.

В конечном итоге решение проблемы соотношения прав, свободы человека и нравственности находится в любви в самом высшем духовном значении этой категории. Напомним, что любовь может определяться по разному, например:

- 1) в обыденном смысле — чувство, соответствующее отношениям общности и близости между людьми, основанное на их взаимном влечении;

А. Хвыля-Олинтер. Свобода в общественном устройстве как проявление духовности и любви

- 2) в этическом смысле — отношения между людьми, в которых личность рассматривает иного как в той или иной форме сродного самому себе: влечется к объединению и сближению с ним; отождествляет с ним свои собственные склонности; добровольно физически и духовно отдает себя иному и стремится к взаимному обладанию с ним;
- 3) в философском смысле — метафизическая универсалия, содержащая индивидуально-избирательное личное чувство, направленное на выбранный предмет и объективизирующееся в самодостаточное стремление к нему; субъект-объектное отношение, посредством которого осуществляется данное чувство; комплексный феномен, возникающий в области взаимодействия противоположных начал: индивидуального и социального, телесного и духовного, интимного и универсального, единичного и общего, имманентного и трансцендентного;
- 3) в языческом смысле — особая мировая сила (бог, энергия), исполняющая главнейшую роль в устройстве и судьбе мироздания;
- 4) в православном смысле — внутреннее состояние личности, характеризующееся неодолимым стремлением к общению и сближению с предпочтенным иным бытием (инаковостью), к его познанию и уважению, терпимости к нему, самопожертвованию ему, ответственности за него;
- 5) в православном смысле — такое духовно-телесное добровольное взаимное искреннее сближение и слияние личностей, которое приводит к расцвету и усилению всех позитивных качеств, уникальности каждой из них, их единству в многообразии;
- 6) в православном смысле — наивысшее нравственное благо и предназначение человека, обобщение и сумма всех Божественных законов и заповедей, необходимое условие святости и богоуподобления, Божественное призвание человека;

- 7) в православном смысле — основное свойство Бога в Его Божественном Троичном сверхбытии, а также в Его отношении к миру и человеку, главнейший сверхъестественный источник и первопричина всякого проявления любви в мире и самого существования мира, Божественный дар человеку;
- 8) в православном смысле — построение человеком своих отношений с иными, собой, семьей, обществом, государством, природой и всем миром на основе Промысла Божия, т. е. на принципах Божественной Любви;
- 9) в православном смысле — главнейшее свойство личности, данное ей Богом.

В истинном смысле, не только трансцендентно-имманентном, но и сугубо земном, проблема соотношения права, свободы человека и нравственности решается только православием. Причем абсолютно, через любовь и в духовности.